ЮРИЙ РОСТИЧ

АПГРЕЙД ФЕНИКСА

18+

Юрий Ростич

Апгрейд Феникса

«Автор»
2026

Ростич Ю.

Апгрейд Феникса / Ю. Ростич — «Автор», 2026

Омоложение.Сверхспособности. Опасная тайна. Героиня- не по своей воле становится участницей медицинского эксперимента, который наделяет её уникальными способностями. Она не стремится укрыться от мира и наслаждаться жизнью, а бросает вызов несправедливости.

© Ростич Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Океанская рыбалка. 6
Глава 2. Счастливое спасение 9
Глава 3. Допрос в палате. 12
Глава 4. Воспоминания Алехандро. 17
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Апгрейд Феникса

Глава 1. Океанская рыбалка.

(4 марта 2020 г.)

Предрассветная заря над одной из главных бухт острова Тринидад, очерченная тёмными узорами пальм, манила неискушённых рыбаков проникнуться азартом первобытного охотника и мужской романтикой покорителей океана. Воздух был густ и влажен, наполнен запахами водорослей, свежестью океана и едва уловимыми ароматами рыбной переработки — словно напоминание о том, что это место живёт морем.

Четверо туристов вышли из микроавтобуса, глубоко вдыхая этот особый прибрежный воздух, и направились к небольшому рыболовному судну. На ржавом борту ещё можно было разобрать название — «Эсперанса», а на корме — порт приписки: Порт-оф-Спейн.

Ровно в 5:00 утра по местному времени моторная яхта, повидавшая на своём веку немало морских приключений, экипированная для серьёзной морской рыбалки, отчалила от пирса. Выйдя из гавани, капитан прибавил ход и взял курс на северо-восток.

Он стоял на верхней палубе мостика под утренним небом, вглядываясь в золотистую дымку на линии горизонта. Лёгкими движениями перекладывал штурвал с борта на борт, периодически бросая взгляд на репитер[1] компаса.

Шкипер по имени Мануэль — темноволосый кокоа-паньёл (так здесь называют жителей с испанскими корнями), среднего роста, худощавый и жилистый, лет сорока — был одет в хлопковую прочную светло-серую рубаху и такого же цвета бермуды. Капитанская фуражка небрежно лежала на мониторе эхолота[2].

Густаво, второй член экипажа, был чуть старше и слегка грузноват. Он выполнял функции матроса-моториста, кока, стюарда и бармена. В этот момент он обратился к пассажирам на английском:

— Что, господа, желают на завтрак? Кофе, сэндвичи?

— Господа желают холодного пива, — хрипловатым голосом с европейским акцентом произнёс самый высокий из гостей. Он с почтением посмотрел на невысокого толстяка, сидящего во вращающемся кресле, и тот в ответ кивнул:

— Мне джин-тоник со льдом.

Густаво предложил «Корону», «Будвайзер» и «Гордонс». Через несколько минут на двух небольших столиках, прикрученных к палубе флайбриджа[3] в специальных держателях, стояли запотевшие бокалы, а одноразовые тарелки были наполнены снеками из вяленых морепродуктов.

Капитан одной рукой продолжал держать штурвал, а второй взял чашку с горячим кофе из услужливых рук Густаво.

— Кэп, как тебе эти рыбаки? Не рыбаки, а чайники, да? Зря я вчера покупал столько живца, — с чувством сожаления и лёгкой усмешкой, в которой сквозило превосходство, на испанском спросил моряк своего капитана.

— Не так громко. Они похожи на гринго[4], но это не янки. Думаю, европейцы. А на Тринидад прилетели на какую-то бизнес-тусовку. Толстяк говорит на французском, и думаю, испанский они понимают, — отозвался Мануэль, не отрывая взгляда от горизонта.

---

[1] Индикатор курса на судне.

[2] Прибор для измерения глубины.

[3] Открытая площадка над ходовой рубкой.

[4] Слэнговое - иностранец, чаще всего изСША.

Светло-розовая дымка на востоке быстро окрашивалась в ярко-жёлтый цвет, и солнце, словно вынырнув из океана, вертикально поднималось от горизонта. Капитан взял свою фуражку, надвинул козырёк на глаза и включил эхолот. Здесь шельф резко уходил в глубину, и нужно было лечь на курс, параллельный границе подводного свала. Течением сюда приносит тучи планктона, за которым устремляются косяки рыб — желанный корм, привлекающий более крупных хищников.

Мануэль сбавил ход, переложил штурвал на правый борт и направил судно против течения. В это время Густаво с одним из туристов ставил спиннинги для троллинга, предварительно насаживая приманку.

Капитан с долей скепсиса принял пожелания рыболовов поймать марлина или парусника — в это время года они здесь попадаются редко. Тем не менее он предложил матросу насадить одного тунца и одну летучую рыбу в качестве живца, а на остальных оставить разноцветные октопусы (искусственные осьминоги).

Кэп разогнал яхту до восьми узлов — рыбалка началась. Океанские пологие волны перекатывались, отражая солнечные лучи. Иногда с их гребня взлетала стайка летучей рыбы, напуганная врезающимся в волны форштевнем мотояхты. Высоко в небе парил величественный фрегат, расправив чёрные крылья, уверенный в своей удачной охоте.

Прошла примерно четверть часа — и вдруг одно из удилищ сильно изогнулось. Из кильватерного следа, словно ракета, на высоту двух метров выскочила огромная, более метра длиной, рыба. Взлетев в воздух, она заиграла на солнце всеми цветами радуги.

Рыбаки издали восторженные возгласы. Капитан сбавил ход. Рыба с брызгами шлепнулась в воду, но сидела на крючке крепко — похоже, сопротивление её было напрасным.

— Дорадо! — вскрикнул Густаво и предложил одному из отдыхающих сесть в кормовое кресло. Он вставил спиннинг в качающийся держатель и показал, как выуживать рыбу: сначала подтягивать удилище на себя, потом отпускать, на слабине выбирая леску быстрым вращением мультипликаторной катушки спиннинга. Раскачивая его вперёд-назад, нужно было неоднократно повторять эти движения.

Через несколько минут, не без усилий, рыба была подтянута к судну. Почувствовав неминуемую гибель, она с ещё большей яростью начала сопротивляться, стучась о борт сильным телом. Опытный моряк подцепил её багром, к нему на помощь пришёл один из туристов — вместе они вытащили жертву на фишпалубу. Одним ударом бейсбольной биты Густаво оглушил морского монстра и оставил на обозрение иностранцам.

Они с интересом и восторгом рассматривали первый трофей. Корифена была чуть больше метра длиной, весом килограммов 25, с огромной лобастой головой, мощными плавниками и серповидным хвостом. На их глазах за несколько секунд она потеряла свой разноцветный окрас и теперь отливала серебром.

— Местные зовут её дорадо, а вообще это золотистая макрель, или корифена, — делая умный вид, сказал один из рыболовов, вспоминая информацию, загугленную накануне.

В это время шкипер плавно увеличил обороты двигателей и продолжил троллинг. Двое туристов надели рыбацкие пояса, а Густаво пристегнул их к скобам на рубке. Третий снова сел в кресло. Буквально через пять минут сразу на двух спиннингах леска резко натянулась — и из волны одна за другой взметнулись корифены. Рыбалка была в разгаре.

Толстяк с позеленевшим лицом оставался всё время в своём вращающемся кресле на верхней палубе, не принимая участия в этом азартном процессе. Океанская зыбь укачала его — он сидел осоловевший от морской болезни, не допив свой джин с тоником. На палубе уже лежали пять или шесть крупных рыбин.

— Хотим марлина! — крикнул высокий турист и отпил пива из бутылки.

Густаво ловкими движениями начал шкерить рыбу, а туристы, надев перчатки, брали макрелей за жабры и по очереди фотографировались с уловом.

Мануэль оторвал взгляд от эхолота — на нём появился очередной косяк мелкой рыбы — и посмотрел на горизонт. Какой-то предмет ярко-оранжевого цвета привлёк его внимание. Других рыбаков поблизости в это время ещё не было, а на рыболовный буй он не походил.

Капитан взял бинокль и приник к окулярам, отыскивая предмет, опасаясь влететь в чужие сети.

— Да это спасательный плот! — тревожно пробурчал про себя капитан.

Других предметов, намекающих на происшествие, не наблюдалось. «Возможно, плот сорвало с какого-то судна во время шторма, такое бывает», — подумал Ману, продолжая всматриваться в детали. Тент плотика был не порван и скрывал тех, кто мог находиться внутри.

Плот не хотел разворачиваться, несомый течением и ветром. Шкипер дал команду матросу убрать снасти, прибавил ход и направил судно к оранжевой полусфере, мерно качающейся на волнах.

Все участники рыбалки с тревогой стали всматриваться вдаль. Новая цель их путешествия становилась всё ближе и ближе, и каждый гадал, что же это может быть.

Глава 2. Счастливое спасение

(4 марта 2020 г.)

«Эсперанса» прошла две мили минут за десять. Капитан сбавил ход и начал маневрировать, стараясь пришвартовать спасательный плот с наветренного борта. Но течение, ветер и инерция судна мешали провести эту операцию чисто. В плотике явно кто-то был, но он не подавал никаких признаков жизни.

«Кошку[5]» использовать было нельзя. Тогда Густаво, не долго думая, взял бросательный конец в руки, прыгнул за борт и подплыл к плоту. Не влезая внутрь, он привязал его к спасательному лееру[6]. Капитан спустился с мостика на главную палубу, оставив судно в дрейфе, и вместе с рыболовами подтянул плотик к правому борту «Эсперансы».

Даже толстяк, взволнованный этим событием, спустился к своим спутникам. Те, перешёптываясь, пытались выработать свою версию происшествия. Мануэль спустил с борта маленький штормтрап, по которому Густаво с ловкостью кошки взобрался на судно.

— Кэп, на плоту человек без сознания. Нам его руками не вытащить — предлагаю лебёдкой, которой поднимаем марлинов, — сказал Густаво.

— Ок, вываливай стрелу, к шкентелю[7] крепи грузовую сетку. Боюсь, леера на плоту могут не выдержать подъёма. И не дай Бог, утопим парня, — скомандовал капитан.

Густаво достал из ахтерпика[8] прочную небольшую сеть, одним концом прикрепил к гаку[9] грузового шкентеля, снова по трапу спустился в воду, завёл сеть под днище плотика и, наконец, все четыре угловых конца завёл на гак грузовой лебёдки.

Лебёдка была с ручным приводом, но за счёт редуктора позволяла поднять груз до тонны весом. Поднять плотик с одним человеком не составило большого труда, хотя и заняло определённое время.

Когда плот оказался на борту, Мануэль подошёл к спасённому, нащупал пульс на сонной артерии. Убедившись, что молодой человек жив, он слегка похлопал его по щеке.

— Пить, — тихо прошептал мужчина пересохшими губами, не открывая глаз.

Густаво приложил пластиковую бутылку к его губам и, осторожно наклонив её, влил небольшую порцию живительной влаги в рот незнакомца. Тот сделал несколько судорожных глотков и закашлялся. Его укутали одеялом, как ребёнка, и через несколько секунд мужчина открыл глаза. Он обвёл окружающих непонимающим взглядом, в котором читались страх и растерянность.

— Кто вы? — спросил он на английском и добавил: — Где я? Где Элен? Что с капитаном?

— Вы на борту рыболовной яхты «Эсперанса». Я — капитан Мануэль Вергара. Кто вы? Что с вами случилось? Как оказались на плоту? — мягко, но настойчиво спросил Мануэль.

Алехандро, так звали спасённого яхтсмена, глубоко вздохнул, сглотнул и начал свой рассказ. Его голос дрожал, а руки непроизвольно сжимались в кулаки, когда он вспоминал пережитое.

— Мы плыли на яхте в Майами… Однажды ночью что-то случилось. Возможно, мы столкнулись с кем-то, и на нас напали. Я спал в каюте после вахты. Проснулся от ударов ногами по голове. Меня выволокли на палубу. Парус был спущен. В свете прожектора я увидел, что

[5] Инструмент, похожий на маленький якорь.

[6] Туго натянутый трос или ограждение.

[7] Короткий трос

[8] Крайний кормовой отсек судна.

[9] Стальной крюк.

капитан борется с людьми в чёрных масках. Двое таких же тащили связанную Элен на борт их судна…

Он замолчал, зажмурился, будто снова видел эту картину перед глазами. Его била мелкая дрожь, а на лбу выступили капли пота.

— Ещё один, крепкий здоровяк, держал меня левой рукой за шиворот, пригибая мою голову к планширю. В его правой руке блеснуло мачете. Ему дали команду прикончить меня…

Голос Алехандро сорвался. Он сглотнул, сделал глоток воды и продолжил, уже тише:

— Не знаю, как мне удалось, но я изо всех оставшихся сил ударил кулаком ему в пах. Тот согнулся от боли, выпустив из рук мою майку. В одно мгновение я прыгнул за борт, стараясь всплыть как можно дальше от луча прожектора. Вынырнув, услышал беспорядочные выстрелы. Глубоко вдохнул и ещё раз нырнул…

Он закрыл глаза, вспоминая тот момент. В его взгляде читался животный ужас — ужас человека, который в одну секунду оказался на волосок от смерти.

— Второй раз я всплыл в темноте. Видел суету на яхте, яркий блуждающий прожектор, звёздное безлунное небо. Слышал беспорядочные выстрелы… Мои мысли были об Элен. Но чем я мог ей помочь? Я начал грести, отплывая всё дальше. Иногда переворачивался на спину и пытался по звёздам выбрать свой курс по течению, моля Бога, чтобы морские бандиты после отшвартовки от нашей яхты не пошли в эту же сторону и не продолжили искать меня.

Его голос стал совсем тихим, почти шёпотом:

— Не знаю, сколько прошло времени. Очередной раз я перевернулся на спину, чтобы немного отдохнуть. Волна подняла моё уставшее тело, и я увидел… Контур яхты озарился яркой вспышкой огня. Они подожгли нашу «Принцесс дэ Суд» (Princesse du Sud). Вероятно, на камбузе [10]взорвались баллоны с газом…

Алехандро замолчал. Его глаза наполнились слезами, но он быстро смахнул их.

— Я продолжал плыть всю ночь, периодически отдыхая. Через несколько часов начал замерзать. Температура воды была градусов 25 °С, а воздух, казалось, опустился до 20 °С. Меня начал бить озноб, сил становилось всё меньше… На рассвете я увидел качающийся на волнах спасательный плот. Он подгонялся ветром и явно обгонял меня. Первая мысль: «Это капитан!» Из последних сил я поплыл в его сторону. Не менее чем через полчаса догнал, но сил забраться в него уже не было. Внутри никого не было. Схватившись за леер, я болтался вместе с плотом ещё полчаса или час… Наконец я увидел шкентель с мусингами[11], свисающий из входа в плот. Ступнями обхватывая узлы и подтягиваясь на руках, влез внутрь. Первым делом нашёл энзэ[12] и открыл консервную банку с пресной водой. Жадно выпил всё до последней капли… И отключился.

Алехандро закончил свой рассказ. Он говорил долго, иногда прерывался, чтобы сделать глоток воды, путался, повторял фразы, надолго закрывал глаза и делал длинную паузу. Его никто не перебивал и не задавал вопросов, понимая, какой стресс пережил этот отважный человек.

Капитан, связавшись с береговой охраной, кратко описал ситуацию и направил судно в порт. Густаво к тому времени приготовил вкуснейшие стейки из дорадо и накормил всех, включая Алехандро.

Примерно через час к борту «Эсперансы» подошёл катер береговой охраны с надписью на борту Coast Guard («Береговая охрана») под флагом Тринидада и Тобаго. Алехандро был пересажен на катер. С капитана «Эсперансы» взяли объяснение. Какой-то господин в штатском опросил всех пассажиров.

---

[10] Кухня на флоте.

[11] Утолщение на середине или конце троса.

[12] НЗ- неприкосновенный запас.

В конце концов уставшие туристы, успешные рыболовы, потрясённые всеми событиями длинного воскресного дня, были доставлены на причал бухты Порт-оф-Спейн. Там их уже ждал арендованный микроавтобус, чтобы отвезти в гостиницу.

Глава 3. Допрос в палате.

(5 марта 2020 г.)

Утром среды в палату госпиталя, где находился Алехандро, вошёл тот самый господин в штатском, который накануне опрашивал экипаж и пассажиров. Смуглый мужчина средних лет, худощавый, с явно выраженными чертами индийского происхождения, остановился у двери, окинул взглядом помещение и уверенно направился к кровати.

— Меня зовут Джей Гупта, я из подразделения по борьбе с похищениями, — представился инспектор полиции Порта-оф-Спейн. — Хочу задать вам несколько вопросов. Доктор сказал, вы чувствуете себя удовлетворительно. Если вдруг я вас утомлю, смело можете меня прервать, — он улыбнулся кривой улыбкой, в которой читалось не приглашение, а едва завуалированное предупреждение: «Попробуй только это сделать».

Алехандро в ответ обнажил свои белые ровные зубы. Улыбка его тоже была натянутой — вежливой, но без теплоты. Он кивнул:

— Да, инспектор, я готов.

— Расскажите о себе как можно подробнее, — произнёс инспектор, склонившись над столом. — Нам нужно сделать необходимые запросы и восстановить ваши проездные документы. Кто вы? Откуда? Как оказались на той яхте?

Он сделал короткую паузу, и его голос вдруг стал жёстче, приобретая стальные нотки:

— Кстати, её обгоревшие остатки были подняты три дня назад на борт сторожевого катера военно-морских сил Венесуэлы. Мы уже сделали запрос на их передачу нам — для доставки в лабораторию нашего департамента.

Инспектор сверлил молодого человека колючим взглядом, пытаясь уловить малейшую реакцию: дрожь в уголках губ, нервный тик, мимолётное замешательство во взгляде. Он внимательно следил за дыханием Алехандро, за движением зрачков, за тем, как лежат его руки на столе — расслабленно или в напряжении.

Но ни один мускул не дрогнул на лице Алехандро. Его взгляд оставался отрешённо-безразличным, словно он смотрел сквозь собеседника, в какую-то далёкую точку за стеной кабинета. Губы были сжаты в ровную линию, а пальцы неподвижны — ни намёка на волнение. Лишь едва заметная тень пробежала по его виску, выдавая внутреннее напряжение, которое он изо всех сил старался скрыть

Джею Гупте явно не нравился этот парень. Безупречные креольские черты лица, слегка испорченные солнечными ожогами, загорелый и подсушенный мускулистый торс, прикрытый простынёй, — результат недельной голодовки и обезвоживания. На правом предплечье — замысловатая татуировка, будто карта неведомых земель. «Рост примерно 180 см, волосы тёмные, слегка вьющиеся, глаза карие, носит короткую бороду и усы», — мысленно закончил инспектор словесный портрет. И добавил про себя с лёгкой досадой: «Бабам такие нравятся…»

В палате было душно и жарко. Солнечные лучи пробивались сквозь жалюзи, рисуя на полу полосатые тени. Алехандро полусидел, опираясь на подушки, и выглядел одновременно измождённым и собранным — как боец после долгого боя, который ещё не знает, закончилась ли схватка.

Гупта достал блокнот, провёл пальцем по краю страницы, будто решая, с чего начать, и поднял взгляд:

— Начнём сначала. Расскажите подробно, как вы оказались на борту «Принцесс дэ Суд».

— Меня зовут Алехандро Мендес. Я родился в Мексике, в городе Монтеррей, в 1987 году, в семье врача, — начал свой рассказ Алехандро. —

Мой отец бежал из Сальвадора с женой и двумя детьми по политическим моти-

вам после очередного военного переворота в 60-х годах. Сначала они отправились в Гватемалу, а затем — в Мексику. Здесь отец открыл врачебную практику. Он больше не вмешивался в политику и материально преуспел, но, беззаветно отдаваясь работе, постепенно охладел к семье.

С первой женой отец развелся, когда ему было уже за пятьдесят, и женился на моей матери — она работала у него в клинике медсестрой. Мама была младше его лет на пятнадцать, и у неё уже был сын Хорхе — мой единоутробный брат. Моих старших сестру и брата от первого брака отца я никогда не встречал.

Отец хотел, чтобы после учёбы я тоже стал врачом, но я мечтал о море. В шестнадцать лет я уехал на Юкатан: старший брат Хорхе помог мне устроиться в яхтенную школу. После её окончания я работал в сфере туризма.

— Что ещё рассказать? — прервал свою историю Лехо (так звала его мама и друзья). Он поднял взгляд к потолку, взял стакан воды с прикроватной тумбочки и выпил его почти залпом. Задумался, что-то вспоминая, — и его взгляд помрачнел. — Да, конечно, дальше… — он снова замолчал на мгновение. — Мы с Элен встретились почти три года назад. Она отдыхала в Канкуне и однажды взяла в аренду яхту, на которой я работал шкипером, — так мы познакомились. Затем мы посетили Остров Женщин (Isla Mujeres), другие достопримечательности Юкатана.

Через некоторое время она пригласила меня в Штаты. У неё был дом в Чикаго. Когда я приехал, стал помогать ей в бизнесе, и вскоре она согласилась стать моей женой.

В конце прошлого года, перед Рождеством, мы отправились в свадебное путешествие, которое откладывали два года. Рождество и Новый год встретили в Париже, потом поехали в Мерибель — это местечко в Альпах. «Там Элен учила меня кататься на горных лыжах», —с глубокой тоской произнёс Алехандро и умолк.

— Что было дальше? — спросил инспектор, внимательно глядя на рассказчика.

— Потом были Монако, Ницца, Канны. На конец января у нас была забронирована каюта на Liberty of the Ocean. В круизном маршрутном листе значились несколько заходов в средиземноморские порты, затем переход через Атлантику и возвращение в Майами. Но на Канарах, в порту Санта-Крус, мы как раз праздновали день рождения Элен и вдруг получили тревожную новость…

Помню, в Париже, встречая новый 2020-й год, Элен подняла бокал с шампанским и сказала, что этот год, по всем гороскопам и предсказаниям, сулит ей огромное счастье.

…новость напугала всех пассажиров: на борту круизного лайнера Diamond Princess, где-то в Гонконге, зафиксировали разгул эпидемии COVID-19. Судно поместили на карантин — по правилам пассажиры должны были оставаться в своих каютах.

Мы с Элен, опасаясь аналогичной ситуации, решили срочно покинуть лайнер и отправились в аэропорт. Но ещё по пути выяснили, что билетов на сегодняшние рейсы нет совсем, и с острова в ближайшие сутки не выбраться.

Мы заселились в маленькую гостиницу. Весь персонал уже носил медицинские маски и перчатки. Элен запаниковала: она начала читать в интернете всё подряд — статьи о том, как быстро вирус распространяется в закрытых пространствах, в том числе в самолётах. Почти в истерике она заставила меня что-то предпринять.

Была идея заказать частный самолёт, но нам пообещали предоставить его не раньше, чем через неделю. Элен боялась, что нас вернут на корабль, и мы будем там сидеть, как в тюрьме, и точно заболеем.

В гостинице мне попалась на глаза местная газета с объявлениями. В этот момент я подумал, как хорошо, что испанский — мой родной язык. В разделе «Чартеры» я нашёл то, что, возможно, станет нашим спасением.

Я начал обзванивать капитанов и владельцев яхт с предложением совершить трансатлантический переход. Позвонив по всем имеющимся в газете объявлениям, я получил отказы с разной мотивацией. И вдруг заметил несколько строк в разделе «Работа»: «Срочно требуются два члена экипажа, имеющие соответствующие сертификаты и опыт, для перегона новой 37-ми футовой парусной яхты в Майами».

Я позвонил, телефон долго не отвечал. Потом раздалось недовольное ворчание. На моё предложение об участии в перегоне голос на том конце провода стал более дружелюбным и предложил явиться завтра в кафе «У пирса» к семи утра.

Элен возмутилась ранним подъёмом, но шанс быстрее убраться с острова вдохновил её на этот подвиг. В 6:55 мы вышли из такси у входа в кафе вблизи порта.

Кафе было пустым. Единственный посетитель — сухощавый мужчина среднего роста с коричневым от загара лицом, седыми волосами и бородой, лет шестидесяти, одетый в синие джинсы и ветровку цвета хаки, — посмотрел на нас с явным разочарованием. Затем быстро взглянул на меня, остановил взгляд на Элен и стал бесцеремонно рассматривать сначала её лицо, потом грудь и ноги. Наконец, снова перевёл взгляд на меня и спросил:

— Это вы вчера звонили насчёт работы?

Я утвердительно кивнул и начал говорить о своём опыте и имеющихся документах, но он меня прервал:

— А вы хоть раз ходили через океан на парусной лодке?

Сначала я утвердительно кивнул, но потом понял, что честный ответ будет убедительнее:

— В моём логбуке (личной книжке яхтсмена) — несколько тысяч пройденных миль в акватории Карибского моря с выходом в океан, ночные и штормовые вахты…

Жером — так звали капитана — движением руки остановил мою страстную самопрезентацию:

— К чёрту твой опыт плавания в тёплой луже. Нанимать в качестве экипажа тебя и бабу я не собираюсь.

Я хотел возмутиться, но он снова меня остановил:

— Сколько?

— Что — сколько?

— Сколько вы заплатите мне, если я возьму вас в качестве пассажиров для обучения яхтингу? — нагло улыбаясь, спросил капитан.

Я предложил 5 000 долларов за двоих. Капитан озвучил 10 000. Сошлись на 7 000.

— Топливо, жратва, вода и портовые сборы — тоже с вас, — добавил он.

Я понял, что нас жестоко обманывают, берут в рабство, за которое мы сами заплатим. Но делать было нечего — мы согласились.

Закупка снабжения и продуктов заняла два дня. Всё это время мы провели на яхте, не опасаясь, что работники гостиницы сообщат властям о двух пассажирах с лайнера, на котором тоже был объявлен карантин — пока на три недели.

На яхте были две каюты с двуспальными кроватями — довольно просторные для такого маленького судна, камбуз с газовой плитой, холодильник, душ и гальюн. Всё как в малогабаритной квартире, только с непривычными названиями.

В начале февраля мы вышли из порта Санта-Крус-де-Тенерифе, взяв курс к островам Зелёного Мыса. Через неделю зашли на остров Сал в Кабо-Верде: пополнили запасы свежих овощей, фруктов и воды, а затем легли на западный курс, используя Северо-Экваториальное течение и устойчивый попутный ветер.

Впереди оставалось примерно 3300 миль. При благоприятной погоде мы планировали достичь цели через две недели. Но примерно через десять дней, опасаясь попасть в шторм, сменили курс и ушли на юг.

Ещё через неделю мы находились в 20 милях от берега — на траверсе границы Бразилии и Венесуэлы. Двигаясь в нейтральных водах, параллельно берегу, взяли направление на северо-запад.

Я не могу вспомнить, какого числа это произошло. Ночью, когда я отдыхал после вахты, на яхту напали. Эту историю я не стану подробно повторять — вы её уже знаете.

Четверть часа, ушедшую на этот рассказ, инспектор слушал внимательно, не перебивая. Он периодически что-то записывал в блокнот, изредка поднимая взгляд на Алехандро. Наконец, почесав свой лысеющий затылок, начал задавать вопросы:

— Расскажите мне об Элен: возраст, место проживания, где она родилась. Мне нужна исчерпывающая информация о пропавшей женщине и её родственниках.

— Элен Гусефф — родилась, как она рассказывала, в Советском Союзе в 1963 году. Её первый муж был физиком-ядерщиком, и вместе с ним в 90-х она эмигрировала в США. Они жили, где-то рядом с Чикаго, кажется, в Авроре. Муж работал в исследовательском центре Фермилаб, а она, не имея тогда рабочей визы, воспитывала дочь и была домохозяйкой.

— Простите, вы сказали — 1963-го года рождения? То есть ей 57, а вам 33? — Джей Гупта вопросительно посмотрел на Алехандро.

Тот улыбнулся, попросил у испектора смартфон, полистал немного и показал инспектору фото: на снимке мужчина обнимал красивую стройную блондинку лет тридцати пяти.

— Это мы с ней в Париже. Цифры в паспорте — это всего лишь цифры…

— Сохраните мне её фотографии — без головных уборов и очков, — попросил инспектор. — Продолжайте.

— Не могу сказать точно, в каком году и в чём была истинная причина, но в конце 90-х Элен развелась с первым мужем, объяснив это тем, что любовь прошла. К тому времени она уже получила американское гражданство и довольно быстро вышла замуж за Майкла Хальбватера — успешного бизнесмена, занимавшегося международной торговлей металлами. С ним она официально рассталась лет семь назад, с крайним нежеланием вспоминая эти абьюзивные отношения. Три года назад мы познакомились в Канкуне — я уже об этом рассказывал.

— Перечислите, пожалуйста, чем владела миссис Гусефф. Постарайтесь вспомнить все её активы подробнее. Мы это выясним сами, но на это уйдёт время, а это, сами понимаете, важно.

— На её счетах примерно 100 миллионов долларов — часть в акциях, что-то в биткоинах, часть на депозитах и в других ценных бумагах. Дата центр, рыбоводный завод по производству осетровой икры. Есть дом в Иллинойсе, пентхаус в Чикаго и вилла в Майами, несколько автомобилей.

— Вы говорили, что оказывали ей помощь в бизнесе. В чём она заключалась?

— Я возил её на машине, сопровождал на переговорах…

— Понятно, — с улыбкой, в которой сквозила едва заметная издёвка, прервал инспектор.

— Каких её родственников вы знаете? Были ли у неё враги? Кто знал, что богатая леди на яхте пересекает океан?

— У неё нет родственников в Америке. Была взрослая дочь, но она погибла при неизвестных мне обстоятельствах до нашего знакомства — ходили разговоры о том, что она попала под случайную пулю в Детройте. О врагах я никогда ничего не слышал: Элен была очень добродушным человеком. О нашем путешествии знала её подруга Натали — они периодически созванивались.

— У вас был заключён брачный контракт?

— Да, у нас заключён брачный контракт, по которому я не являюсь наследником. И мне не нравятся подобные вопросы — они заставляют думать, что вы меня в чём-то подозреваете, — с возмущением произнёс Алехандро.

— Простите, у меня такая работа, — спокойно ответил Гупта.

Инспектор задал ещё несколько уточняющих вопросов: телефоны, адреса, имена людей из окружения жены, которые могли быть известны Мендесу. Затем попытался выяснить что-то о капитане Жероме, но Алехандро не смог дать никакой информации — он просто ничего о нем не знал.

Примерно через час полицейский закрыл записную книжку, ещё раз пристально посмотрел на молодого мужчину и, кивнув, покинул палату.

Сразу после его ухода появилась медсестра с капельницей. Измерив давление, она сказала, что нельзя так сильно волноваться. Подключив трубку к катетеру и отрегулировав скорость поступления лекарства, медсестра продолжила что-то болтать о необходимости проинформировать доктора и исключить подобные посещения, волнующие пациента.

Глава 4. Воспоминания Алехандро.

(март 2020 / июль 2003)

Алехандро почти не слушал медсестру. В другой ситуации он бы с удовольствием пофлиртовал с молодой сестричкой в коротком халатике, верхняя пуговка которого совершенно случайно расстегнулась. Но сейчас он был погружён в размышления о прошедшей беседе. Память, растревоженная инспектором, всколыхнула целый рой воспоминаний, которые, словно в калейдоскопе, рисовали разные картины в его голове…

Ему было шестнадцать. Наступили летние каникулы. Отец полетел по делам на неделю в Мехико и взял его с собой. Но через два дня случилась глупая ссора — и юноша вечерним самолётом был отправлен обратно в Монтеррей.

Алехандро подъехал на такси к дому. Там никого не было. Мать, вероятно, на дежурстве — звонить он не стал. Открыл дверь своим ключом и сразу прошёл в спальню на втором этаже. Он хотел заснуть, но сон не шёл. Мысли крутились вокруг ссоры с отцом, обиды жгли изнутри.

Через несколько минут он услышал, как к дому подъехала машина. Затем — мамин смех и какой-то незнакомый мужской голос.

Алехандро лежал на кровати. Первая мысль — спуститься и посмотреть, кто у них в гостях. Но что-то его остановило. Его охватила тревога, под ложечкой засосало. Что это? Страх? Обида? Мама с чужим мужчиной?

«Нет, похоже, ты становишься свидетелем какого-то преступления», — пронеслось в голове. Внутренняя дрожь охватила всё тело. Он замер и стал прислушиваться к звукам снизу, из столовой.

Включился телевизор — звучала какая-то развлекательная программа. Периодически сквозь музыку доносились бархатный женский и низкий мужской смех.

«Сейчас я выйду и напугаю их своим появлением, сейчас, сейчас…» — мысленно твердил он, сжимая кулаки.

«Tal vez será…» — пел в телевизоре Рики Мартин о грустной любовной истории. Слова песни странным образом перекликались с чувствами Алехандро: «Tal vez llegué tarde, ya no hay nada que hacer…» («Возможно, я опоздал — уже ничего не исправить…»).

Он тихо открыл дверь спальни и твёрдым шагом быстро спустился на первый этаж.

В гостиной на столе стояли две открытые бутылки — с вином и текилой, бокалы, фрукты, закуска. По комнате витал запах алкоголя и чего-то сладкого, незнакомого.

Алехандро даже не понял, как в его руке оказался нож. Он крепко сжал рукоятку, левой рукой схватил бутылку с текилой и сделал несколько больших глотков из горлышка. Напиток обжёг горло. Отбросив бутылку, он направился к гостевой спальне рядом с прихожей. Путь туда указывала разбросанная по полу женская и мужская одежда.

Перед самой дверью он остановился на мгновение. В этот момент телевизор выключился, и в полной тишине он услышал за дверью мамины стоны.

Что-то в его голове переключилось. Днём он поссорился с отцом — улетая, упрекал его за жадность, отсутствие любви и проклинал на чём свет стоит. А здесь, за дверью, — его мама. Та самая, что до двенадцати лет водила его по воскресеньям в Монтеррейский собор. Он вспомнил ажурные колокольни, которыми любовался в детстве и её слова о том, как важно соблюдать божьи заповеди: не лгать, не воровать, не убивать, не прелюбодействовать.

Юноша простоял ещё несколько минут. Звуки за дверью утихли. Голова кружилась — то ли от выпитого алкоголя (до этого он пробовал только пиво и вино), то ли от всех этих странных событий.

Отбросив нож, он медленно, словно побитая собака, побрел наверх в свою спальню. Там рухнул на кровать. Перед глазами возник отец, когда-то обсуждавший с кем-то из друзей аспекты семейных проблем с медицинской или биологической точки зрения:

— Ревность активирует в мозге ключевые системы, отвечающие за стресс, привязанность и вознаграждение. Кортизол[13] приводит к чувству тревоги и даже паники — мы чувствуем, как учащается пульс, повышается давление. Выброс адреналина даёт прилив энергии, дрожь, напряжение в мышцах, нацеливает наше внимание на угрозу, на страх потери… И вот вам новый Отелло.

Эти слова, случайно услышанные, когда-то, всплыли в сознании, но многое из них оставалось непонятным для затуманенного мозга Алехандро. Через несколько секунд он полностью отключился.

Утром позвонила мать. Её голос звучал взволнованно:

— Почему и когда ты улетел из Мехико?

— Прилетел сегодня утром, — коротко ответил Алехандро. — Поссорился с отцом.

Мать помолчала, затем, уже более спокойным тоном, сказала:

— Сегодня ночью я буду дежурить в клинике.

Алехандро принял эту информацию с полным безразличием. Он положил трубку и, помедлив, спустился в столовую. Там уже был наведён идеальный порядок. Завтракать не хотелось.

Он достал телефон и набрал номер своего старшего друга. Карлос ответил в привычной для него манере:

— Какого чёрта?

— Выпить хочешь? — предложил Алехандро.

— О, малыш взрослеет! — рассмеялся Карлос. — Может, травки захватить?

— Ползи ко мне, дома никого, — усмехнулся Алехандро.

Через полчаса Карлос уже входил в дом. Оглядевшись, он присвистнул — он был здесь впервые.

— Сеньор Мендес неплохо настриг бабла, ковыряясь в письках местных лохов, — хмыкнул он. — Зря ты отказываешься от идеи учиться на доктора.

— Не моё это, — пожал плечами Алехандро.

— Лично я не хотел бы заглядывать в глотки и ковыряться в чужих задницах, — продолжил Карлос, — разве что гинекологом с узкой специализацией по дефлорации богатеньких дочек, — мерзко заржал он.

Парни выпили по банке пива, выкурили косяк. Лёгкая эйфория расслабила мышцы, разморила сознание — и вскоре оба уснули, сидя у телевизора на диване.

Проснулись они через пару часов, почувствовав голод. Решив, что пора подкрепиться, друзья отправились в ближайший «Такос Ориноко». Там они заказали по буррито и запили их колой, оживлённо обсуждая планы на вечер.

Насытившись, парни решили выбраться в город в поисках развлечений. Карлос остановился у ворот гаража и вопросительно посмотрел на Алехандро:

— А тебе папаша тачку не купил в честь окончания десятого класса?

— Нет, — загадочно улыбаясь, покачал головой Алехандро. — Сказал, после двенадцатого, если поступлю в универ.

С этими словами он нажал на кнопки кодового замка. Гаражная дверь с гулким шумом уползла под потолок. Внутри, рядом с серебристым отцовским «Лексусом», стоял чёрный мотоцикл «Сузуки Бандит 250» — компактный, мощный, с блестящим хромированным рулем и агрессивной посадкой. Карлос окинул его жадным взглядом.

---

[13] Гормон стресса.

— Вау! Он купил тебе байк?! Мне бы такого папашу… А то мой слинял, оставив мамку с тремя пацанами, прихватив последние бабки и все свои шмотки. Дашь прокатиться? — с завистью в голосе воскликнул Карлос.

— Да ты даже на велосипеде толком не научился, — с чувством редкого превосходства ответил Алехандро, протягивая ему второй шлем.

Они оседлали «железного коня», и под восторженные крики Карлоса помчались навстречу приключениям. Ветер свистел в ушах, фары встречных машин мелькали вдалеке, а город раскинулся перед ними, полный вечерних огней и обещаний.

Было около девяти вечера. Жара спала, и можно было в полной мере насладиться вечерней прохладой. Друзья бесцельно мотались по улицам, пока не добрались до Пасео-Санта-Люсия. Оставив байк на стоянке, они продолжили прогулку пешком.

— Слушай, амиго, — начал Карлос, засовывая руки в карманы. — Я собрался линять из Нуэво-Леона. Мне бы достать двадцать штук песо — и я хоть завтра уезжаю в Тихуану. Там есть знакомый чел, который подкинул идею, как зарабатывать столько же каждый месяц. Сто процентов дохода от инвестиций в месяц, представляешь?!

Алехандро не сильно вникал в экономические расчёты друга — он догадывался, какой бизнес-план ему предложили. Мысли юноши были заняты другим: он хотел было рассказать Карлосу о вчерашнем вечере, но передумал, представив его реакцию и едкие комментарии.

Они присели на скамейку в парке. Карлос пару раз безрезультатно попытался подкатить к гуляющим девушкам, затем закурил сигарету.

— Надо бы заглянуть в «Джентльмен-клуб», — мечтательно произнёс он. — Навести шороху среди местных стриптизёрш…

Он бросил взгляд на Алехандро и тут же скривился:

— Хотя с таким молокососом меня туда не пустят. — Карлос сплюнул на тротуар, щелчком отправил окурок в сторону проходящего бездомного старика и начал что-то напевать себе под нос.

— Ну что, амиго, — хлопнул он друга по плечу, — едем на дискотеку? Сегодня суббота — может, снимем пару девчонок, повеселимся.

— Едем, — кивнул Алехандро. Он достал из кармана несколько купюр, пересчитал. — Должно хватить на два билета и небольшую выпивку.

Ровно в 23:00 они подъехали к недорогому клубу, где обычно тусовалась молодёжь. Фейсконтроль преодолели с небольшими сложностями — охранник долго разглядывал их, но всё же пропустил. Сдав шлемы на хранение, друзья расположились за небольшим столиком вместе с приятелями Карлоса.

Музыка представляла собой смесь мировых поп-хитов и зажигательных латиноамериканских мелодий. Клуб располагался в старом ресторане, построенном в стиле колониальной архитектуры. Танцпол находился во внутреннем дворике под открытым небом, освещённом цветомузыкальными стробоскопами, лазерами с многолучевыми эффектами и прочими атрибутами ночной жизни.

Несмотря на ослепляющую технику и шумную атмосферу, Алехандро сразу заметил за соседним столиком трёх своих одноклассниц. Среди них была она — Миранда, мечта его грёз. Она пришла в их школу в девятом классе и сразу влюбила в себя почти всех парней. Он хорошо помнил тот день: её улыбка, лёгкий смех, уверенность в каждом движении — всё это будто магнитом притягивало взгляды.

Сердце Алехандро забилось чаще. Он замер на мгновение, не зная, что делать — подойти или остаться на месте. Карлос, заметив его замешательство, толкнул локтем в бок:

— Чего застыл? Пошли поздороваемся!

- Давай чуть позже!..

Алехандро отвлёкся от своих мыслей, когда медсестра пришла снимать капельницу. Она принесла обед — он всё съел, хотя сначала казалось, что аппетита нет. После обеда он уснул: капельница и еда сделали своё дело.

Проснулся с чувством, что ему нужно вспомнить что-то важное. Но вместо важного в памяти снова всплыли события семнадцатилетней давности…

…На дискотеке гремела музыка, сверкали разноцветные прожекторы и стробоскопы. Через час после начала танцпол ожил: девушки, словно сошедшие с рекламы бразильского карнавала, двигались в такт ритму — смелые, яркие, большинство в коротких шортах или юбочках и разноцветных топиках. На юношах одежды было чуть больше, но разнообразия тоже хватало: кто-то нарядился в костюм марьячи, другие изображали техасских ковбоев, но большинство всё-таки выбрали цивильное — брюки с рубашкой или, на худой конец, джинсы с футболкой.

Алехандро больше не пил — опасался потерять права на байк. Он наблюдал за Мирандой: она потягивала через соломинку маргариту, что-то оживлённо обсуждала с подругами, звонко смеялась, а услышав понравившуюся мелодию, в общей стайке спутниц срывалась из-за стола на танцпол.

Девушка, подхваченная ритмом, двигалась стремительно, порывисто, с каждым движением отдаваясь музыке без остатка. На ней были серебристые блестящие шорты и тёмно-синий топик — в мигании софитов одежда сияла, превращая её в неземное существо. Изумительно красивое лицо, озаренное широкой улыбкой, ликовало: она не просто танцевала — она праздновала мгновение, заряжая энергией всех вокруг.

Её танец — коктейль из страсти и грации. Плавные движения плеч создавали волну, которая перетекала к груди, бёдрам, коленям. Затем — стремительный поворот, заканчивающийся изящным наклоном. Ступни чётко отбивали ритм, колени слегка сгибались в импровизированных «пружинках», а руки то обвивали тело, то распахивались, как крылья. Она использовала тесное пространство вокруг неё: скользила по полу, делая не широкие шаги, иногда присаживалась, чтобы в следующий момент взметнуться вверх извиваясь как змея.

Парни, привлечённые этой мощной харизмой, пытались приблизиться к ней, чтобы составить пару. Но тут появлялся высокий, широкоплечий громила с квадратным лицом и фигурой, будто он только что сошёл с поля после матча по американскому футболу, не сняв защитную экипировку. Одним своим грозным видом он быстро освобождал пространство вокруг танцующей красотки. Он пытался взять её за талию, но она одаривала его улыбкой и убегала к своему столику. «Футболист» иногда подходил к ней и что-то с жаром шептал на ухо — она лишь крутила головой, не поддаваясь на уговоры.

Алехандро снова вспомнил, как отец говорил с друзьями о женской избирательности:

— В юном возрасте, когда девушки только входят в фертильный период, их привлекают альфа-самцы: сильные, агрессивные, брутальные. Часто по ошибке им нравится развязность и наглость. С возрастом альфу они наделяют умом, богатством. А когда фертильность угасает, их начинает привлекать молодость, ум и нежность. Конечно, все женщины разные, но когда они поддаются не разуму, а порыву…

Размышления юноши были прерваны — он почувствовал, как кто-то тянет его за руку. Это был Карлос. Друг вывел его из клуба и представил двум девушкам.

— Эти крошки берут нас с собой, — с энтузиазмом объявил Карлито. — Я обещал угостить их травкой. Сара на машине, — он указал на старенький «Фольксваген Жук». — Я еду с ними, а ты на байке следуй за нами.

— Прости, амиго, мне нужно задержаться, — покачал головой Алехандро.

— Ну смотри, как знаешь, — усмехнулся Карлос. — Если через полчаса не позвонишь, то пролетел. Я и один с ними справлюсь, — не скрывая бахвальства, добавил он

Алехандро собрался вернуться к танцполу, но на входе в клуб чуть не столкнулся с Мирандой.

— Привет, Мира! — улыбнулся он.

— Привет. Закурить есть? — коротко бросила она, скользнув по нему взглядом.

— Сейчас посмотрю, — отозвался Алехандро и направился к мотоциклу. Он открыл бокс для шлема и достал начатую пачку сигарет.

— Это твой? — с любопытством спросила девушка, переводя взгляд с мотоцикла на Лехо. Не дожидаясь ответа, добавила: — Не ожидала!

Она помнила, как примерно год назад этот смазливый ботаник неловко подкатывал к ней и был отшит без объяснений. Теперь же перед ней стоял уверенный парень на мощном байке — и это вызывало интерес.

Они выкурили по сигарете, перебросившись парой ничего не значащих фраз. В воздухе повисло едва уловимое напряжение — смесь воспоминаний, любопытства и чего-то ещё, пока неясного.

— Прокатимся? — осмелился предложить Алехандро, стараясь скрыть волнение.

— Давай, только схожу за вещами и предупрежу подруг, — после короткой паузы согласилась Миранда.

Юноша забрал шлемы и через пару минут увидел Миранду — она лёгкой походкой спешила к нему. На ней была короткая куртка под цвет шорт, синяя сумочка на ремешке перекинута через плечо. Алехандро, протянув ей шлем, быстро уселся на байк. Девушка устроилась позади, обхватив его руками за талию.

В это время из клуба выбежал квадратный парень, озираясь вокруг, но Лехо уже крутанул ручку газа — и Сузуки сорвался с места.

Они мчались по городу среди моря огней. Мотоцикл рвался вперёд, рассекая ночной воздух. Алехандро на перекрёстке резко нажал на тормоз — Миранда вжалась грудью в его спину. Он почувствовал её тесное объятие, упругую грудь — и его словно электрическими разрядами пробило до самых пяток.

Город летел навстречу: огни витрин, светофоры, рекламные щиты сливались в калейдоскоп разноцветных пятен. Резкий поворот — и вот уже узкая улица с арками и коваными балконами. Фары выхватывали из темноты детали — резные перила, цветочные горшки на подоконниках, — которые тут же исчезали за спиной.

Разгон на широком проспекте — асфальт под колёсами гудел от скорости, ветер свистел в ушах. Они промчались мимо парка Фундидора[14]. Доменные печи бывшего металлургического завода, подсвеченные ночью, превращались в фантастические памятники индустриальной истории Мексики — словно застывшие гиганты из другого мира.

Лёгкий наклон в вираже, ещё один поворот — и снова прямая, где можно дать полный газ. Огни города остались за деревьями, и они въехали в Сан-Педро. Миранда постучала рукой по плечу парня. Он остановился и повернул голову.

— Мне нужна… м-м-м… дамская комната, — смущённо произнесла она.

— А-а, окей, — кивнул Алехандро.

Через три минуты они въехали во двор двухэтажного дома. Алехандро ещё раз нажал на пульт, открыл гаражные ворота, и они заехали внутрь.

[14] Парк, возведенный на месте бывшего металлургического завода.

Миранда вышла из туалета и с любопытством оглядела гостиную. Высокие потолки, массивная дубовая мебель, старинные фотографии на стенах — всё говорило о достатке и традициях.

— Ты здесь живёшь? — удивлённо спросила она. — А почему ты учишься в обычной школе?

— Это принципиальная позиция отца, — пояснил Алехандро, прислонившись к стене. — В молодости он был социалистом и считает, что только рядом с простым народом можно получить настоящую закалку для будущей жизни. Хочешь выпить?

Миранда окинула комнату ещё одним взглядом, затем повернулась к нему:

— Нет, спасибо. «Мне пора домой», —тихо сказала Миранда, делая шаг к двери.

— Побудь ещё немного, — попросил Лехо, включая акустическую установку с цветомузыкой. Разноцветные огни заиграли на стенах, создавая иллюзию праздника.

«Pero qué me quedes tú…» — зазвучал голос Шакиры, наполняя комнату тёплыми латинскими ритмами.

— Ты очень красиво танцуешь, — тихо произнёс Алехандро, наливая текилу в бокал и стопку. Миранде он приготовил маргариту, себе налил чистую.

Они стояли у барной стойки. Лехо переключил мелодию — «Bésame, bésame mucho…» песня в современной аранжировке заполнила помещение, обволакивая их мягким, гипнотическим ритмом.

Алехандро подождал, пока Миранда сделает глоток и отставит фужер, затем подошёл к ней и мягко потянул за руку, вовлекая в танец. Тело девушки, подчиняясь звукам музыки, плавно покачивалось в такт мелодии. Они почти не двигались с места — лишь покачивались, словно в невесомости.

Лехо бережно держал девушку за талию. Его руки чуть дрожали от волнения — он чувствовал, как бешено колотится сердце. Миранда заметила это и, желая успокоить, чуть ближе приникла к его телу.

Парень расценил это как сигнал к действию. Он крепче обнял её и наклонился, чтобы поцеловать. Но Миранда резко оттолкнула его:

— У меня есть парень, не надо этого делать.

— Это тот тип, что пас тебя весь вечер? — голос Алехандро невольно зазвучал резче.

— Какая тебе разница?!

— Ты спишь с ним?!

— А это вообще не твоё дело!

Романтический вечер мгновенно превратился в жёсткие разборки. Напряжение повисло в воздухе, словно грозовая туча. Алехандро бросил взгляд на дверь гостевой спальни. В его воспалённом мозгу вспыхнула картина прошлой ночи. Схватив девушку за руку, он потащил её туда.

Миранда сопротивлялась, извиваясь всем телом, но его хватка была железной. Тогда она резко откинулась назад, всем весом потянув его за собой. Они налетели на столик у стены и рухнули на пол. Мягкий ковролин смягчил удар, но Миранда головой ударилась о край кровати — в глазах её потемнело, на мгновение мир поплыл перед глазами.

Она продолжала бороться, чувствуя, как ещё мгновение назад казавшийся приятным молодой человек теперь грубо срывает с неё одежду. Миранда попыталась поджать колени к животу и отвернуться, но это только раззадорило его.

Через несколько минут всё было кончено. Оба, измученные и опустошённые, приходили в себя. Миранда дрожащими руками стянула с кровати простынь, закуталась в неё и начала собирать разбросанную одежду.

— Что же ты не сказала, что ты девушка? «Зачем меня заводила?» —с упрёком спросил Алехандро. В душе он ликовал, но голос звучал растерянно.

— Молчи, ничего не обсуждай! — отрезала Миранда. Она ушла в ванную и через несколько минут появилась — слегка помятая, но уже одетая. — Вызови мне такси!

Алехандро натянул боксеры и, подчиняясь её холодному тону, послушно выполнил команду.

Через десять минут прозвучал сигнал телефона — такси ждало у ворот.

— Ты ответишь за это, — жёстко глядя ему в глаза, произнесла Миранда. — Клянусь.

Хлопнула дверь. Она исчезла, оставив после себя лишь запах духов и тяжёлое, давящее ощущение вины. Алехандро остался один — в комнате, где ещё недавно звучала музыка, а теперь царила гнетущая тишина.

Лехо прошёлся по столовой, допил остатки маргариты и взял телефон. Пальцы слегка дрожали, когда он набирал номер Карлоса.

— Ты охренел? Знаешь, сколько времени? — раздался в трубке сонный голос Карлоса.

— Карлито, я, кажется, влип, — тихо ответил Лехо и вкратце рассказал другу о происшествии.

В трубке повисло молчание. Карлос переваривал услышанное несколько секунд, потом выдохнул:

— Ну ты молодчага, конечно… Но если она поехала в полицию… Она что, правда девственница была?

Снова тишина — Лехо слышал только своё учащённое дыхание и отдалённый шум улицы за окном.

— Всё, лети ко мне, — наконец твёрдо произнёс Карлос. — Я знаю, что делать!

Дальше всё происходило как в тумане. Лехо на байке помчался через полупустые улицы к лачуге Карлоса. Тот уже ждал его на пороге, жуя что-то, завёрнутое в кукурузную лепёшку, и запивая бурдой с запахом пережаренного кофе.

— Хочешь? — Карлос протянул кружку, но Лехо только отмахнулся.

Карлос вздохнул, вытер рот тыльной стороной ладони и перешёл к делу:

— Как я понимаю, деваха отправилась в полицию. Там найдут следы твоего генетического материала… Тебе грозит лет четырнадцать, это если ты её не сильно душил и не бил по башке.

— Она сама ударилась головой об кровать, когда падала, — поспешно перебил Лехо.

— О-о, парень, — Карлос покачал головой. — Я, конечно, не судья, но умные люди говорят, что за такое можно и двадцатку схлопотать.

Он сделал глоток своей бурды, задумчиво покрутил кружку в руках и продолжил:

— В общем, варианта два: сдаёшься и садишься — или бежим в Тихуану. Жаль, конечно, что нет времени слегка почистить сейф твоего папаши…

Лехо замер, обдумывая сказанное. В груди сдавило от страха, но где-то глубоко внутри уже зарождалась отчаянная решимость. Он медленно кивнул:

— Значит, Тихуана.

Карлос хлопнул его по плечу:

— Вот и отлично. Не ссы, со мной не пропадешь!

Уже через час они продавали байк.

В районе старых гаражей на окраине Монтеррея жизнь текла по своим законам. Здесь пахло бензином, горячим металлом и — чуть-чуть — опасностью. Узкие проходы между ржавыми стенами, заколоченные окна, граффити с черепами и лозунгами картелей. Это было место, где сделки заключались шёпотом, а документы имели свойство «теряться» в самый неподходящий момент.

У второго гаража слева, под навесом из гофрированного железа, стоял он — почти новый, чёрный Suzuki GSF250.

Покупатель, усатый мужчина в засаленной кепке и кожаной куртке с заплатами, прислонился к стене и курил толстую сигару. Его глаза, прищуренные от дыма и солнца, оценивающе скользили по потенциальному продавцу — молодому парню в джинсах и футболке с логотипом калифорнийской рок-группы.

— Ну что, amigo, — хрипловато бросил он, выдыхая дым в сторону байка. — Неплохой аппарат, и пробег небольшой. Но что с документами?

Карлос махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху:

— Всё чисто, amigo, всё легально. Ну, почти. Документы на папу — он мне его подарил. Главное — заводится с пол-оборота. Хочешь проверить?

Он ловко спрыгнул с бетонного блока, на котором сидел и нажал

на кнопку стартера. Двигатель рявкнул, заурчал, выбросив из выхлопной трубы облачко сизого дыма. Несколько собак за гаражами залаяли в ответ, а из соседнего проулка выглянул мальчишка в рваной майке — следить за сделкой.

Покупатель присел на корточки у колеса, постучал по резине, заглянул

под раму.

— 800 долларов, — сказал он твёрдо. — И чтобы комплект ключей, шлем в придачу и канистра бензина.

Карлос театрально схватился за сердце:

— Dios mío, да ты меня грабишь! 1200 — и два шлема. По рукам?

Мужчина помолчал, задумчиво покрутил в пальцах окурок, потом кивнул:

— По рукам.

Они обменялись рукопожатием — крепко, по-мужски.

— Только смотри, не гоняй слишком быстро, — предупредил продавец. — Он любит скорость, но не любит дураков.

— Значит, мы с ним поладим. – откашливаясь от проглоченного дыма, прохрипел усатый. Карлос улыбнулся, довольный своими коммерческими талантами.

— Чему радуешься? — грустно произнёс Алехандро. — Отец купил его за 3 000.

— Братан, через год мы купим два таких байка, а ещё кабриолет и яхту! Хочешь яхту? — Карлито подмигнул, и его глаза загорелись азартом.

Через несколько часов они ехали автостопом в Тихуану. Карлито имел уникальную способность встревать в грязные истории и быстро знакомиться с подозрительными типами — но до сих пор ему везло, и он выкручивался из, казалось бы, безнадёжных ситуаций. Ветер трепал его волосы, солнце слепило глаза, а впереди маячили неясные, но манящие перспективы.

Тихуана встретила их не гостеприимством, а тяжёлым дыханием промышленного города: смесью запахов уличной еды, выхлопных газов и чего-то едкого, что оседало в горле. Солнце висело низко, окрашивая небо в цвета ржавчины, а длинные тени от зданий ложились на асфальт, будто предупреждающие знаки.

Друзья нашли жильё на окраине, в районе, который местные называли La Zona Oscura — «Тёмная зона». Это был четырёхэтажный дом с облезлыми стенами, когда-то выкрашенными в жёлтый, но теперь покрытыми пятнами плесени и граффити. Над входом висела вывеска с полустёртой надписью «Hotel El Sol» (Отель Солнце) — солнце, видимо, сюда давно не заглядывало.

Хозяин — сухопарый мужчина с жёлтыми зубами и взглядом, скользящим мимо собеседников, — молча взял предоплату и протянул ржавый ключ с биркой «23B».

— Лифта нет, — бросил он, не поднимая глаз. — Вода по утрам, свет могут отключить. И… тише тут. Ночью.

Лестница скрипела под ногами, перила шатались, будто готовые отвалиться от любого прикосновения. На втором этаже из-за приоткрытой двери доносился хриплый смех и запах

марихуаны. На стенах — следы от ударов, пятна, похожие на засохшую кровь, и надписи на испанском, обещающие «возмездие» и «конец».

Комната 23В оказалась крошечной: две узкие кровати с продавленными матрасами, столик с трещиной посередине, стул на трёх ножках и окно с мутными стёклами, зашторенное выцветшей тканью. Под подоконником — россыпь окурков и пустые бутылки. В углу — маленький холодильник, гудящий, как раненый зверь.

Алехандро бросил сумку на кровать и поморщился:

— Ну и дыра.

Карлос подошёл к окну, отодвинул штору и посмотрел вниз. Во дворе, окружённом стенами с колючей проволокой, несколько мужчин в кожаных куртках о чём-то переговаривались, время от времени оглядываясь по сторонам. Один из них поднял голову, заметил Карлоса и коротко кивнул — без улыбки.

— Да, — парень отступил назад. — Но зато здесь нас никто не будет искать. И контакты уже есть.

Он достал из кармана смятую записку с номером и именем: «Маркус. Товар. Цена — договорная».

Алехандро сел на кровать, матрас жалобно застонал.

— Сомнительные сделки, — пробормотал он. — Очень сомнительные. Но если сработает…

Он не договорил. Где-то за стеной раздался глухой удар, потом — резкий крик, оборвавшийся так же внезапно, как и начался. Алехандро и Карлос переглянулись.

— Значит, работаем быстро, — сказал Карлос. — И смотрим в оба глаза.

За окном стемнело. В переулке зажглись редкие фонари, отбрасывая на асфальт неровные пятна света. Где-то вдалеке завыла сирена, а из соседних комнат доносились приглушённые голоса, звон стаканов и обрывки разговора на испанском. Город готовился к ночи — той самой, в которой и вершились самые тёмные дела.

В комнате 23В друзья молча раскладывали вещи. Каждый думал о своём, но оба понимали: они уже в игре. И ставка — не только деньги.

На следующий день Карлос купил несколько порций марихуаны, и они попытались влиться в этот прибыльный бизнес. Но в тот же вечер их жестоко избили и ограбили, голодные и измученные, они стояли на коленях со связанными руками в каком-то злачном месте. Перед ними в потрёпанном кресле сидел босс, так его называли грабители, притащившие друзей в подвал — мужчина лет тридцати, одетый в варёные джинсы и белую майку, с толстой золотой цепью на шее и массивными золотыми часами на руке, сжимавшей кольт 45-го калибра.

Закинув ногу на ногу, он объяснил парням, как нехорошо заниматься торговлей без разрешения старших, подробно описал, куда сейчас вставит ствол этого большого пистолета и каким фейерверком разлетится их «дерьмо» по стенам и потолку подвала. Босс медленно провёл пальцем по стволу револьвера, разглядывая Карлоса и его напарника с ленивой усмешкой.

— Ну что, неудачники, — его голос звучал низко и хрипло, — вы решили, что можно вот так просто войти в чужой бизнес и остаться безнаказанными? Вы даже не знали правил игры, а уже поставили на кон свои жизни.

Карлос поднял глаза, стараясь скрыть дрожь в голосе:

— Мы не хотели нарушать никаких правил. Мы просто искали способ выжить.

Босс откинулся на спинку кресла и громко рассмеялся, отчего массивная золотая цепь на его груди качнулась в такт смеху.

— Выжить? Ха! В этом районе города выживают только те, кто умеет играть по правилам. А правила здесь устанавливаю я.

Он встал, неторопливо обошёл вокруг связанных парней, остановился за спиной Карлоса и наклонился к его уху:

— У меня есть предложение. Вы работаете на меня. Выполняете поручения, доставляете товар, следите за точками. Взамен — я не пускаю пулю в лоб прямо сейчас. И даю вам шанс заработать.

Алехандро, бледный и измученный, прошептал:

— А если мы откажемся?

Босс выпрямился, снова поднял револьвер и направил его в сторону напарника.

— Тогда вы оба умрёте здесь и сейчас. Но мне жаль: мёртвые не могут рассказать, где спрятали остатки товара, который вы купили. А я знаю, что он где-то есть.

Карлос почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Он осознал, что напарник был прав, когда спрятал остатки в заброшенном гараже у старой фабрики. Если босс узнает — им конец, а в данном случае можно поторговаться.

— Мы согласны, — твёрдо произнёс Карлос. — Мы будем работать на вас. Но с одним условием.

Босс приподнял бровь, явно удивлённый такой дерзостью:

— Условие? Ты в том положении, чтобы ставить условия?

— Да, — Карлос сглотнул, но взгляда не отвёл. — Мы хотим гарантии. Не просто слова. Нам нужен процент от прибыли и защита. Если мы работаем на вас — мы должны быть уверены, что завтра нас не пристрелят на улице.

Несколько долгих секунд босс молчал, разглядывая Карлоса. Затем медленно опустил револьвер, подошёл к столу, налил себе виски из хрустального графина и сделал глоток.

— Ты мне нравишься, парень. В тебе есть стержень. Ладно, пусть будет по-твоему. Десять процентов от прибыли и моя защита. Но запомни: одно нарушение — и договор аннулируется. Без исключений.

Он протянул руку. Карлос, помедлив, кивнул и пожал её, своими связанными как в молитве.

— Добро пожаловать в команду, — усмехнулся босс. — А теперь развяжите их, — бросил он своим людям. — И дайте им поесть. Они начинают завтра.

Парни приняли информацию с пониманием. Через несколько дней они влились в команду распространителей героина и другого зелья, обогащая своего драгдилера и даже не представляя о мощи, живучести и размерах этой системы под названием «наркокартель».

Через несколько месяцев босс, и ещё двое парней из их команды погибли в жуткой перестрелке, Карлос пропал бесследно. Алехандро сидел в полицейском участке перед жирным лысым дознавателем, который быстро сообразил, что отец этого юноши может выложить кругленькую сумму.

Он сидел на жёстком стуле, вцепившись пальцами в край стола. Дознаватель — массивный мужчина с блестящей лысиной и маленькими хитрыми глазками — откинулся на спинку кресла и медленно листал дело.

— Ну-ну, — протянул он, постукивая толстым пальцем по папке. — Алехандро Мендес. Шестнадцать лет. Ни судимостей, ни задержаний… до сегодняшнего дня. И вдруг — перестрелка, трое погибших, включая известного в определённых кругах Пепито, вашего босса. И ты — единственный выживший. Совпадение?

Алехандро молчал, глядя прямо перед собой. Он знал: любое слово может обернуться против него.

Дознаватель наклонился вперёд, понизив голос:

— Я тут навёл справки. Твой отец — владелец клиники в Монтеррее, человек с деньгами и связями. Думаю, он не позволит своему младшему сыну гнить в тюрьме?

Он сделал паузу, давая словам осесть в сознании Алехандро.

— У меня есть предложение. Ты даёшь мне то, что мне нужно: имена, адреса, схемы поставок, — и я помогаю тебе выйти отсюда. Без обвинений. Твой папаша просто оплатит нужный счёт, а ты начнёшь новую жизнь. В другом городе. Может, даже в другой стране.

— Я ничего не знаю, — тихо произнёс он. — Я просто оказался не в том месте не в то время.

Дознаватель рассмеялся, откинув голову назад:

— О, как же это банально. «Я ничего не знаю», «я просто прохожий», «меня заставили». Но знаешь что? У нас есть свидетели. Есть баллистическая экспертиза. И всё это указывает на тебя как на ключевого участника

Он снова наклонился вперёд, теперь уже почти шёпотом:

— Подумай вот о чём: если ты не согласишься на мои условия, завтра же в газетах появится история о том, как сын уважаемого доктора оказался замешан в наркоторговле. Представь заголовки: «Наследник семьи Мендес — в банде наркоторговцев». Твой отец потеряет репутацию. Клиенты и партнёры отвернутся. А ты… ты отправишься за решётку на долгие годы.

Алехандро почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Дознаватель был прав: один неверный шаг — и он разрушит всё, что построил его отец.

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошёл высокий мужчина в дорогом костюме — это был его брат Хорхе, которого мать отправила сразу, как только узнала о задержании сына.

— Добрый день, — холодно произнёс Хорхе, окинув дознавателя оценивающим взглядом. — Мой брат больше не будет отвечать на вопросы без моего присутствия — он несовершеннолетний. И я настоятельно рекомендую вам прекратить эти… сомнительные предложения.

Дознаватель выпрямился, на мгновение растерявшись. Он явно не ожидал такого быстрого вмешательства.

— Что ж, — процедил он, закрывая папку. — Посмотрим, как вы заговорите завтра, когда мы предъявим официальные обвинения.

Хорхе лишь улыбнулся — спокойно, уверенно, почти снисходительно:

— Вечером прибудет наш семейный адвокат, уверяю вас, все формальности будут улажены. А если вы продолжите давить на моего брата, я подам жалобу в вышестоящую инстанцию.

Хорхе действовал с хладнокровием и расчётливостью опытного переговорщика. Пока Алехандро сидел в камере, он уже успел изучить слабые места дознавателя, навести справки о его пристрастиях и даже заручиться поддержкой одного из старших офицеров участка — старого знакомого по школьным временам.

На следующий день в участок явился адвокат с папкой документов и коробкой дорогих сигар. Он без стука вошёл в кабинет дознавателя и с обезоруживающей улыбкой произнёс:

— Сержант Рамос, какое счастье, что я застал вас на месте! Видите ли, произошла досадная ошибка, и я здесь, чтобы её исправить.

Дознаватель, ещё не остывший после вчерашнего столкновения с Хорхе, хмуро поднял глаза:

— Что вам нужно, сеньор?

— Всего лишь справедливость, — адвокат поставил коробку на стол и открыл папку. — Вот медицинские справки: у Алехандро Мендеса с детства проблемы с сердцем. Он не мог участвовать в перестрелке — просто физически не выдержал бы такого стресса. А вот показания трёх свидетелей, видевших его в тот вечер в другом районе города.

Он выложил листы бумаги один за другим, давая дознавателю время их изучить.

— Более того, — продолжил адвокат, — отец Алехандро готов оказать спонсорскую помощь полицейскому управлению Тихуаны. Новая техника, обучение сотрудников, премия личному составу — всё это может стать реальностью. Разумеется, если мы придём к взаимопониманию.

Дознаватель пробежал глазами документы, затем медленно поднял взгляд на адвоката:

— Вы понимаете, что пытаетесь подкупить должностное лицо?

Тот рассмеялся — легко, почти весело:

— Подкуп? Что вы! Это благотворительность. И разумное решение проблемы, которая может принести неприятности нам обоим. Представьте заголовки газет: «Полицейский вымогает деньги у семьи Мендес, арестовав несовершеннолетнего» — или, наоборот: «Семья Мендес помогает полиции Тихуаны бороться с преступностью». Выбор за вами.

В этот момент в кабинет вошёл тот самый старший офицер — его появление было заранее спланировано адвокатом и Хорхе.

— Сержант, — строго произнёс офицер, — я только что получил отчёт баллистической экспертизы. Оказывается, гильзы, найденные на месте перестрелки, не соответствуют оружию, которое могло быть у молодого Мендеса. Похоже, произошла ошибка.

Дознаватель сцепил ладони в замок, затем глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он понимал, что для него это наилучший исход дела с наименьшими репутационными издержками: с одной стороны — неопровержимые доказательства невиновности Алехандро, с другой — щедрое предложение, от которого сложно отказаться.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Я закрою дело за отсутствием состава преступления. Но учтите: если этот парень ещё раз попадётся…

Адвокат кивнул, сохраняя невозмутимость:

— Он будет вести себя безупречно.

- Даю вам слово. - Адвокат протянул руку для пожатия.

— Мы ценим ваше понимание и благодарим за сотрудничество.

Он подал знак Алехандро, и тот, едва сдерживая вздох облегчения, поднялся со стула. Юноша и адвокат направились к выходу, оставляя дознавателя в раздумьях — с коробкой сигар на столе и тенью грядущих перемен в карьере.

Через час Алехандро вышел из участка — бледный, но свободный. Хорхе уже ждал его у машины: припарковался у обочины, нервно постукивал пальцами по рулю.

— Садись, — брат распахнул дверцу, дождался, пока Алехандро усядется на пассажирское сиденье, и сам занял место за рулём. — Теперь рассказывай: как ты вляпался?

Алехандро вздохнул и начал с самого начала — с того дня, когда они с отцом прилетели в Мехико. Вспомнил, как просил отца купить ему iPod, а тот резко отказал, назвав гаджет бесполезной безделушкой. Слово за слово — вспыхнула ссора, и отец велел ему отправляться домой.

Голос Алехандро дрогнул, когда он перешёл к главному:

— Я узнал, что мать изменяет отцу… — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Потом рассказал о Карлосе и Миранде.

Он коротко рассказал о Карлосе — друге, который, когда-то, ещё в седьмом классе, защитил его от старших парней, когда Алехандро влип в неприятную историю. Затем перешёл к событиям последних дней, к Миранде и тому, что между ними произошло. Закончил с горечью:

— Puta, всё из-за неё… Из-за нашей матери.

Хорхе резко развернулся к брату и отвесил ему сильную пощёчину.

— Щенок! — голос его зазвучал жёстко, почти яростно. — Ты вырос в тепличных условиях, никогда ни в чём не нуждался. А меня она воспитывала пятнадцать лет без мужской поддержки — пока в её жизни не появился твой отец. Кто такой Карлос?

— Мой друг, — повторил Алехандро, потирая щёку. — Тот самый, что помог мне в школе…

— Ты понимаешь, что это Карлос втянул тебя в преступную банду? — перебил Хорхе. — Он запугал тебя, когда ты рассказал про Миранду. Девочка, может, и не собиралась идти в полицию. Да и изнасилования как такового, похоже, не было. С ней можно было договориться.

Он завёл двигатель и вырулил на дорогу.

— И знай: это мать позвонила мне в Канкун. Это она уговорила отца заплатить за тебя. Сейчас мы едем в аэропорт. По пути заберём её из гостиницы. Ты летишь со мной, она возвращается в Монтеррей.

Он не видел мать с того самого дня, как уехал с отцом в Мехико. Слышал её голос — да, но не видел…

— Мама… — хрипло произнёс он, обнимая её в ответ.

Её плечи дрожали от беззвучных рыданий, пальцы судорожно вцепились в его куртку, словно боялись отпустить хоть на мгновение. Хорхе молча закрыл дверь машины, обошёл вокруг и сел за руль. Он включил зажигание, но не тронулся с места, давая им время — несколько драгоценных минут, чтобы выдохнуть, осознать, что всё позади.

— Прости меня, — повторила мать, отстранившись и глядя на сына заплаканными глазами. — Я знаю, почему ты уехал, это всё из-за отца! Ты не мог больше выносить этого вечного контроля, этих бесконечных требований — быть продолжателем его профессии, его идей…

Алехандро опустил взгляд. В горле стоял ком, мешающий говорить. Он сглотнул, пытаясь подобрать слова.

— Я не хотел тебя расстраивать, — тихо сказал он.

Мать глубоко вздохнула, будто собираясь с силами, и тихо сказала:

— Ты знаешь, я хотела с ним развестись… Эта ужасная неизвестность, я думала с ума сойду… — Голос её дрогнул. — Когда нам позвонили и сказали, что ты в Тихуане в полиции… Я думала, сердце остановится.

Хорхе обернулся к ним. Его лицо, обычно холодное и собранное, смягчилось на мгновение, но голос остался твёрдым:

— Хватит самобичевания. Главное — он жив. Но времени мало. Через два часа — самолёт, и мы улетаем в Канкун. Лехо будет помогать мне в бизнесе и учиться там, в безопасности.

Алехандро поднял глаза на брата, потом на мать. В груди что-то сжалось — смесь вины, облегчения и робкой надежды. Он медленно кивнул:

— Хорошо.

Мать снова прижала его к себе, на этот раз чуть спокойнее, будто наконец поверив, что худшее позади. Хорхе повернул ключ в замке зажигания, и машина плавно тронулась с места, увозя их прочь — прочь от прошлого, навстречу новой жизни…

...В палату к Алехандро прикатили стойку с вечерней капельницей. Другая медсестра — полная пожилая афроамериканка с добрыми, усталыми глазами — быстрыми, отточенными движениями проверила катетер, отрегулировала скорость подачи жидкости, подключив систему. Её пальцы, покрытые сетью тонких морщин, двигались уверенно и мягко — видно было, что за годы работы это стало для неё почти ритуалом.

— Отдыхайте, — тихо произнесла она, поправив одеяло у него на плечах. — Всё будет хорошо.

Она вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь, и в палате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим шипением аппарата да редким постукиванием капель.

Алехандро неотрывно смотрел на прозрачную трубку: одна капля, другая, третья — они падали с монотонной, убаюкивающей регулярностью. Ритмичное «кап-кап-кап» сливалось с мерным писком монитора, отслеживающего сердечный ритм, и словно задавало такт его дыханию.

Взгляд невольно цеплялся за блики света на стеклянной колбе, за едва заметное колебание жидкости в трубке — всё это завораживало, затягивало в какой-то гипнотический транс. Мысли становились всё более расплывчатыми, образы прошлого смешивались с неясными видениями, а границы реальности размывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.